

Современная литература в какой-то мере напоминает картину половодья. Множество водяных зеркал скрывают главное русло, глубокое и стянутое невидимыми сейчас берегами. Вольная вода накрыла землю и старается казаться большим и основательным морем, однако от поверхности ее до покрытого наносным мусором дна невелико расстояние, и в него укладывается вся новая, поддельно «морская» жизнь. Так и в нынешнем литературном процессе бросаются в глаза произведения, которые широко разрекламированы идейно ангажированными обозревателями или просто «работниками по филологическому найму», а серьезные произведения, где есть эпоха и судьба, нравственный выбор и способность героя к действию, часто лишены должного внимания. Их мировоззренческие и художественные контуры как будто теряются в безудержном разливе околотитературной информации. Это самые общие приметы состояния современной российской прозы и поэзии, и в нашем случае они важны для выбора имен и сочинений, для понимания почвы, на которой стоит автор, считая ее надежной и твердой, — разумеется, в соответствии со своими представлениями о мире и о времени.

Сегодня, наверное, как никогда раньше — ну, разве что в период гражданской войны в России — ослаблены связи между поколениями русских «отцов» и «детей». В социуме это проблема

многофигурная, в литературе ее чертания более отчетливы и понятны. В некотором смысле, перед нами повторение на новом этапе ситуации, в которой оказалась русская эмиграция первой волны. Уезжая из большевистской России, старшее поколение беженцев сохраняло в своей памяти все самое лучшее, что было связано с прежними годами. В их душе почти осязательно жили картины вчерашнего дня, и не существовало силы, которая могла бы погасить драгоценное пламя этих воспоминаний. А вот их дети, не имея такого прочного якоря, хранившего связь с почвой, лишенные сердечной памяти о родине, с младых ногтей оказались в иной жизни, которая не принимала старые русские психологические лекала. И были вынуждены к ней приспособливаться, не обладая некими внутренними устоями, которые поддерживали бы их русскую самоидентификацию. В итоге молодое поколение первой волны русских эмигрантов западная жизнь нравственно перемолола, породив в нем чувство опустошения и понимание собственной ненужности.

В настоящее время мы видим пугающее подобие этого явления уже на российской земле. Запад вторгся в нашу информационную среду на самых разных направлениях; цепкая пятерня дяди Сэма выжимает все соки из российской экономики; традиционная и классическая культура подменяются пошлыми ужимками и неостановимым словоблудием новоявленных хлестаковых; скроенная по новому образцу система образования, похоже, считает излишним нравственное и интеллектуальное воспитание подростков. По существу, наши дети живут в фальшивом, подмененном мире, который к России имеет только глубинное, скрытое отношение, и проявляется оно лишь на уровне подосзания или в экстремальных обстоятельствах. Словно юные эмигранты в новой стране, младшие вынуждены мучительно или равнодушно соединять в своем сознании истории старших о царской и советской России. На Западе после революции 1917 года русские беженцы вынужденно доживали свой век, а их повзрослевшие сыновья и дочери стремились найти личное место в вертикалях и горизонталях чужого социума, и не более того. Современные российские «отцы» и «дети» дышат воздухом родины, и задача первых — передать вторым всю полноту отечественной традиции, все духовное и физическое богатство русского бытия. В этом заключается не только отличие настоящей ситуации от болезненного примера прошлого, но и главная трудность нынешнего момента нашей драматической истории — обретение преемственности двух поколений, совместная их готовность построить справедливое и высокое русское мироустройство.

Обращаясь к литературным произведениям «отцов», видишь зачастую, что единственной реальностью для автора является доминирующее воспоминание о прошлом. Контрастные проекции прошлого на изображаемую действительность здесь приводят к тому, что она предстает в виде некоего гротескного фантома, нежизнеспособного и человеконенавистнического по целому ряду социальных и мировоззренческих признаков. Причем такой взгляд на современную Россию нельзя назвать надуманным и резонерским: если наше государство столкнется с каким-либо тяжким испытанием, нет никакой уверенности в том, что существующая «новая Россия» устоит, не превратится в развалины. Тут надежда лишь на молодое поколение, дееспособное и отчаянное, однако лишенное ясных патриотических формул, которые были бы донесены до юного ума и до страстного сердца общественными фигурами, не запятанными ложью, корыстью и предательством.

Кроме того, «дети» из года в год видят страну, непохожую на давние фотоснимки, кинохронику и рассказы старших, а единственной плотной реальностью для них можно считать текущий день — плохой, вероломный, построенный в координатах кумовства, взяточничества и несправедливости. Для них это данность, а все бывшее, озвученное родителями и дедами, похоже на легенду. И становится проблематичной мотивация «детей», которые встали бы плечом к плечу с «отцами» на защиту прошлой идеи, словно бы против вопиющее несовершенство настоящего дня.

В литературе молодые писатели фиксируют картины действительности и составляют своего рода мозаику из художественных фрагментов; новое поколение пишет, не посягая на большое слово о мире, в котором живет, не открывая в себе глубокого дыхания, позволяющего в сквозном сюжете дать образ страны и одновременно — очерк судьбы своего современника. Собственно, это наполняет уже рассказы молодого Шолохова.

И выходит, что старшие и младшие говорят и пишут, кажется, совсем о разных вещах. Эта творческая и мировоззренческая полярность проявляется и в околотитературных дискуссиях, и в самих произведениях. Ожесточение и отчуждение иной раз пронизывают публичные встречи и дискуссии представителей двух поколений. Но все-таки некое, почти погашенное течением дней, чувство принадлежности к одному кругу писателей, которые ценят идеальную составляющую русской литературы, спасает эти беседы и семинары. Взрыв взаимного концептуального непонимания стихает, и уже сама художественная практика сближает стороны, порой не осознающие своего органического родства.

Исключительно важным становится наличие общего для «отцов» и «детей» тематического и содержательного поля, которое, при всех иных разнообразных и непохожих друг на друга приметах (стилевых и языковых), является тем звеном, что сцепляет русское прошлое с русским настоящим и позволяет творчески размышлять над русским будущим. В противном случае каждый будет говорить о своем, будто воплощая роковую фразу: распалась связь времен...

В произведениях старших и младших хочется видеть присутствие деятельных и умных героев разных поколений, следить за сюжетом, который содержит в себе правду и заблуждения персонажей, и находить целебные для нашей духовной жизни точки взаимного согласия старика и юноши, ученого и солдата, государственного деятеля и потомственного крестьянина. Этот охват национальной жизни должен быть свободным и художественно убедительным, только тогда писатель сможет выходить за рамки национальной самобытности и защищать ее от враждебного менталитета чужака или бесцеремонного соседа.

«Отцам» и «детям» в литературе и жизни необходимо уяснить более чем простую мысль: то, что они есть друг у друга — совсем не случайно. Их взаимная непохожесть носит не только драматический характер — она созидательна и, в конечном счете, направлена на обновление всего строя нашего существования. И если удастся пройти этот рубеж без жестокого конфликта поколений, русская традиция и дерзость русского ума принесут нам достойные и гармоничные плоды.

Между тем, вглядываясь в пространство повествования старших и младших, нельзя не обратить внимания на одну особенность. У «отцов» фон происходящего практически всегда определен, то есть читатель понимает, что действие разворачивается в постсоветские годы, в эпоху эрозии высоких понятий и слов и пренебрежения самим человеком. Не сказать, что в поздние советские годы бережность по отношению к обычному гражданину была несомненной и повсеместной — конечно, это не так, но пренебрежение и цинизм тогдашней власти как будто имели некие границы, чего не скажешь о нынешнем времени. И уже на фоне прописанной или только обозначенной социальной среды писатели старшего поколения принимались за воссоздание коллизий и самой идеи своего произведения.

Совсем не так сегодня. У молодых нет принципиального отчуждения между социумом и героем, нет ощущения того, что единство общества и отдельного человека прежде вроде было, а потом исчезло, и персонажи теперь существуют в каком-то вакууме, который должен быть заполнен. Такой пустоты, такого ощущения «изъятости» твердой опоры в прозе литературных «детей» практически не найти. Их герои проживают свою жизнь в условиях, которые более всего характеризует распространившаяся повсеместно равнодушие. И если есть схватка в сюжете молодого писателя,

то он борется не с самой средой, а с *проявлениями* этой среды. Эта вторичная адресация внутреннего сопротивления оказывается фактически преодолением следствий, а не причин. Для литературы важность такого противостояния отрицать невозможно, однако в целом подобное положение вещей напоминает сюжеты буржуазной западной литературы второй половины минувшего века. Социальный абрис настоящего незыблем, и уже внутри него автор и его персонажи ищут правду и справедливость, доброту и высокий порыв. Но, как правило, отыскать их не могут по определению: все вокруг настроено против человека и его нравственных устремлений. Хотя присутствие в одном интеллектуальном и чувственном пространстве прозы «детей» и «отцов» вполне может идентифицировать постсоветскую среду человеческого обитания. Взаимно дополняя друг друга, старшее и младшее поколения современных русских писателей могут уловить как основы, так и атмосферу нашего нынешнего дня. Единство «отцов» и «детей» поможет современной литературе обрести провидческое зрение и возродить в полноте русское бытие на жестком рубеже двух христианских тысячелетий.

Сегодня важно не разделять по возрастному принципу коллективные публикации новой русской прозы. Выбирая достойное, необходимо внимательно сочленять произведения разных писательских поколений, дабы общая картина обретала при этом внутреннее единство. Рассказы и повести Юрия Лунина, Елены Тулушевой, Андрея Антипина стоит соединять под одной книжной обложкой с романами и повестями Петра Краснова, Владимира Крупина, Владимира Личутина, стараясь воссоздать совокупный облик времени. Обычно такой антологический принцип реализуется лишь в плане представительности и никак не соотносится с общим движением настроений и характеров, изобразительностью и стремлением осмыслить события, судьбы, печали и радости. Желание «сшить» уходящий день с наступающим без труда можно найти в произведениях молодых и старших, и уже это обстоятельство приводит нас к пониманию, наверное, самого важного: мы друг другу — родные.

